Лето прошло, и Гарри Поттер заметно подрос. Кожа его была немного бледнее обычного, а глаза слегка запали, но это не умаляло его роста, который за лето увеличился на несколько дюймов. Теперь он был одним из самых высоких в классе, хотя до рыжеволосого друга Рона Уизли ему было еще далеко. Гарри был рад этому: смотреть вверх на друзей во время разговора было утомительно. Он также чувствовал, что стал немного привлекательнее, хотя никогда бы не признался в этом вслух. Черты лица стали четче, и он все больше походил на свою мать, чем на отца. Гарри был благодарен за это: теперь он не был точной копией отца и, наконец, мог похвастаться явным сходством с матерью. К счастью, его здоровье больше не так сильно ухудшалось, как в предыдущие два лета. Гарри подозревал, что это скорее заслуга ежемесячных продуктовых посылок от Сириуса, миссис Уизли и Хагрида, а также пайков из холодильника, чем ежедневных "продуктовых пожертвований" Дурслей, как называла их тетя Петуния, которые он получал через кошачий глазок. Гарри был очень огорчен тем, что ни Гермиона, ни Рон не прислали ему ничего на день рождения. Миссис Уизли, конечно, приносила ему еду каждый день, но Гарри не считал это равноценной заменой. Юный наследник Поттеров тихо прокрался обратно по лестнице, пропустив первую ступеньку, чтобы не издавать ни звука. Он шел по коридору к своей цели: спальне Дадли. Гарри тщательно продумывал план проникновения в Гринготтс и на Косой Переулок. Сначала он хотел полететь на своем файерболе под Маской-невидимкой, но тут же замолчал. Рон был самым глупым в их компании, но не настолько. Он также подумал о том, чтобы попросить Дамблдора взять его с собой, но эта мысль отпала сразу же. Каждый год в конце учебного года он просил Дамблдора разрешить ему остаться в Хогвартсе, чтобы не возвращаться к Дурслям. Каждый раз Дамблдор твердо отказывал, заявляя, что это для его же блага. Гарри уже смирился с этим, понимая, что директор не позволит ему остаться в Хогвартсе на лето. Устав от постоянных вопросов Гермионе о Хогвартсе, он дал ей почитать "Хогвартс: История". Дойдя до сорок седьмой главы, озаглавленной "Хогвартс летом", он быстро узнал, что директор школы не просто так разрешал ученикам оставаться на лето. Гарри до сих пор носил в кармане скомканный отрывок из этой главы, следы разрывов говорили о том, что он вырвал его из учебника. Он носил его как горькое напоминание.— В конце семнадцатого века (около 1692 года) сжигание ведьм было обычным делом для маглов. Они практиковали это с самого начала истории Хогвартса, но никогда в таком масштабе. Хотя им так и не удалось сжечь ни одной настоящей ведьмы или волшебника (простые заклинания позволяли им противостоять жару маггловских костров), в них успело попасть немало детей-волшебников, которые не могли защитить себя. В связи с этим Министерство (в частности, Совет управляющих Хогвартса) разрешил ученикам оставаться в Хогвартсе на лето, если они чувствовали необходимость защитить себя. Это правило действует и по сей день, но вместо одобрения Совета управляющих (что было бы довольно долгим процессом), вам просто нужно получить разрешение директора или завуча школы. Поскольку речь идет о безопасности учеников, требуется только одобрение директора/директора, но не Совета управляющих или кого-либо еще. Если ученик не в состоянии получить разрешение директора или завуча, ему не разрешат остаться, независимо от того, что скажут другие. Было неприятно осознавать, что Дамблдор мог помочь ему, но так ничего и не сделал. Дамблдор не отрицал, что это было не в его силах, и даже говорил, что это было сделано для блага Гарри. Тем не менее, Гарри был раздражен тем, что Дамблдор мог позволить ему остаться в другом месте, но все равно отправил его к Дурслям. Он начинал понимать, почему Том Марволо Риддл из дневника так не доверял Дамблдору. Конечно, не в такой степени, как Риддл, но он уже не был так слеп к недостаткам директора, как несколько месяцев назад. Гарри быстро вошел в спальню младшего Дурслей и огляделся. В ней царил беспорядок: одежда была разбросана по всей комнате, игрушки валялись на полу, ящики были открыты. В центре комнаты лежал Дадли Дурсли. Даже во сне он напоминал свинью, возможно, даже больше, чем в бодрствующем состоянии. Гарри не мог не сравнить храп Дадли с визгом умирающей свиньи. Он обшарил комнату, и через десять минут его взгляд наконец остановился на небольшой коробке. В этой коробке Дадли хранил деньги, украденные из

бумажника отца. Зачем он воровал деньги, Гарри так и не понял. Просто ему стоило на что-то посмотреть, и мама с папой покупали это для своих драгоценных Диддикинов. Гарри медленно открыл коробку и достал купюры. Там было около семидесяти-восьмидесяти купюр на общую сумму около пяти тысяч фунтов. Гарри спокойно вынул пять стофунтовых купюр, а также пять двадцаток. Это было более чем справедливо. Гарри всегда знал, когда Дадли воровал деньги у дяди Вернона; это происходило примерно в то же время, когда дядя и тётя запирали его в шкафу за воровство. Он подозревал, что они оба знали, что это был Дадли, но это не помешало им наказать Гарри. Гарри быстро почувствовал, как в его душе нарастает ярость, вызванная несправедливостью всего этого. Бум. Гарри в очередной раз проклял свою удачу и обернулся, чтобы посмотреть, не разбудил ли Дадли этот звук. Это был раскат грома, который почему-то случался на Тисовой улице каждые несколько недель; особенно странным он был потому, что сейчас было лето. Тетя Петуния со свойственным ей снобизмом сообщила ему, что это всего лишь погода выплескивает свое недовольство тем, что в их милом городке завелся какой-то урод. В ответ он спросил свою дорогую тетушку, не думает ли она, что он сможет заставить молнию поразить ее, используя свои странные способности. Насколько он знал, это было невозможно, но говорить ей об этом было незачем. Замечание тёти Петунии не осталось без последствий. Целую неделю Гарри был лишен еды. Это была не единственная странность, происходящая на Тисовой улице. Вероятно, именно поэтому тётя Петуния ему поверила. Последние несколько лет дождь, гром, молния, снег и прочие капризы погоды случались в самые неожиданные моменты. Но даже без учета погодных аномалий, в доме номер 4 творилось что-то неладное. Гарри знал, что это его магия, проявляющая себя в приступах случайного волшебства. К счастью, кузен Дадли, несмотря на грохот грома, мирно спал в своей постели. Учитывая его храп, Гарри этому не удивлялся.Схватив деньги, Гарри быстро вернулся в свою комнату. Там он взял плащ-невидимку и палочку – они ему понадобятся в Косом переулке. Вчера вечером он отправил Хедвиг в Нору с посланием, что увидит ее завтра. Уговоры заняли полчаса, прежде чем сова, погладив его по ушам, улетела. Летом Гарри разрешили держать Хедвиг в своей комнате без клетки. В основном потому, что он заметил, что у соседей могут возникнуть подозрения, если его сова начнет безостановочно улюлюкать, как часто случалось, когда Хедвиг сидела в клетке. Это лето было прекрасным для их сближения. Хедвиг почти не отходила от него, за исключением тех случаев, когда ей нужно было отправлять письма.План Гарри был прост. Он знал улицу, где находился "Дырявый котёл", случайно запомнив ее, когда провел там несколько недель прошлым летом. Это была оживленная маггловская улица Чаринг-Кросс-роуд, хотя та часть, где располагался паб, была защищена от магглов чарами "Заметить-не заметить", которые действовали только на них. Гарри узнал об этом от Тома, бармена "Дырявого котла", и собирался воспользоваться этой информацией сегодня.Он не мог воспользоваться Рыцарским автобусом – Стэн Шунпайк, его водитель, был известен своей болтливостью. Среди знакомых Гарри не было ни одного взрослого, кто бы позволил ему поехать (кроме Сириуса, который, скорее всего, был на другом конце света). Поэтому Гарри решил воспользоваться лондонским метро. Оно, конечно, не такое быстрое, как Рыцарский автобус, но зато обычное, без магии.Гарри вышел из дома с одной из школьных сумок, в которой лежали плащ, мантия и немного еды, похищенной из холодильника Дурслей. В правой руке он держал палочку, спрятанную в рукаве. В кармане у него было шестьсот фунтов, украденных у Дадли. По правде говоря, он понятия не имел о тарифах на метро, так как ездил на нем только один раз. Это было с Хагридом, который засунул в щель для монет больше сотни фунтов, пытаясь протащить их двоих через турникет. Он не потрудился забрать оставшиеся в монетоприемнике деньги, сказав, что это всего лишь несколько галеонов. Гарри очень надеялся, что его не увидит никто из магглов поблизости. Из-за Дурслей они по-прежнему считали его правонарушителем.

http://tl.rulate.ru/book/102666/3549149